

Одна из самых разработанных в книге проблем изложена в четырнадцатой главе, посвященной борьбе против сожжения вдов. Выступления ранних противников этого обычая относятся к VII в. н. э. Во время исламского завоевания Индии (XIII–XVI вв.) сожжение было запрещено. Отрицательное отношение к нему высказывали и многие европейцы, посещавшие Индию. Во время колониального завоевания правительство Великобритании вначале проводило политику игнорирования (1757–1789 гг.), а позднее – определенного регламентирования (1789–1829 гг.) актов сожжения вдов; наконец, в 1829 г. они были окончательно запрещены. Но автор показывает далее, как же действовал этот закон в Бенгалии, Мадрасе и Бомбее – сначала под действием княжеских запретов (1829–1987) гг., а затем под действием Уголовного кодекса (1862–1987 гг.). Заканчивается эта глава оценкой самосожжения вдов как предмета популистской политики и анализом нового запрета в 1987 г.

Далее в книге находится заключение, содержащее краткие итоги исследования. За ним помещен теоретический обзор работ о зависимости самого феномена «следования за умершим» от религиозных взглядов, внутрикастовой и классовой борьбы. Монография заканчивается приложением, содержащим необыкновенно интересные зарисовки самих картин сожжения вдов и жертвоприношений, сделанных в XVII–XIX вв., а также миниатюр из индийских рукописей и снимков храмов и скульптур из храмов захоронений. Вслед за иллюстрациями опубликованы статистические таблицы со сведениями о числе актов сожжения по годам в разных районах Индии в 1815–1828 гг., а также две карты Индии, дающие наглядное представление о тех районах страны, где сожжение было более всего распространено (северо-восточные и южные штаты). Затем автор публикует обзор источников и литературы по теме, подробную библиографию и всевозможные указатели, среди которых выделяются тщательно разработанные и необыкновенно подробные предметно-именной и географический указатели.

Уже обзор содержания рецензируемой книги свидетельствует о том, что это скорее историческое, чем этнографическое исследование. Но наполненность его конкретными фактами, умелый и профессиональный анализ изучаемого обычая делают этот труд весьма важным и нужным для этнографа, изучающего своеобразную культуру и семейно-общественные нравы этой восточной страны. Монография Й. Фиша важна и для исследователя так называемой женской истории и гендерных отношений, ибо показывает, как относились к женщине (главным образом к вдове) в Индии на протяжении длительного времени – от первых известий о сожжениях вплоть до наших дней.

Самая подробная и разработанная часть книги – это история борьбы британской администрации и местных властей с сожжениями вдов. Автор потратил много времени и места в своей книге для выяснения психологических, религиозных и кастовых факторов, влиявших на обычай сожжения, но здесь остается еще большой простор для дополнительного изучения этого сложного вопроса. Неясно также, почему в Австралии не получил распространения феномен «следования за умершим», столь широко бытовавший на всем земном шаре. Материал первой части книги основан главным образом на предшествовавшей историографической традиции, но надо отметить и полноту данного обзора, и точность интерпретации автора.

В целом можно сказать, что перед нами – солидное и заслуживающее доверия научное издание, плод многолетнего труда, обобщающее исследование, достойное высокой оценки. Этнографы получили в свое распоряжение важное и нужное пособие.

Л.Н. Пушкарев

© 1999 г., ЭО, № 5

А.В. П и м е н о в. Возвращение к дхарме. М., 1998. 415 с., илл.

*Если пределы широки и направо, и налево,
ничто тебе не мешает. Если пределы далеки и
вперед, и назад, ничто тебя не ограничивает...*

Кэнко-хоси («Записки от скуки»)

Индийские мистики и суфии полагают, что всякий человек есть музыка: он настроен на определенный лад, дышит в определенном ритме, движется согласно с какой-то мелодией. Наверное, то же можно сказать и о книге. Во всяком случае наблюдательный читатель почти всегда догадывается, кем написан тот или иной труд – филологом или философом, французским богословом или немецким историком.

Это не так-то легко понять из настоящей книги. Дело в том, что она «настроена» одновременно на несколько ладов: в ней ощущаются и ясность европейской гармонии, и подспудное течение индийской раги. Читатель «услышит» и современную оркестровку, и древний звон буддийского колокола, и, конечно, соприкоснется с североиндийской музыкой, «смешанной в гармонии».

Автор книги, Алексей Владимирович Пименов, не только философ, историк, один из немногих российских специалистов в области индийской философской школы *миманса*, но и культуролог, талантливый публицист, знаток художественной литературы.

Книга увлечет даже читателя, неискушенного в индийской культуре. От пристального взгляда автора не ускользают многие занимательные вещи. По ходу повествования они преобразовываются в нити, связующие древнюю Индию с далекими и во времени, и в пространстве странами и народами (см. с. 79 о таинственных латышских «брамминах», с. 101 о представлении индийцами народов Европы как своего рода каст).

Согласно индийским представлениям, всякое произведение искусства, равно как и блюдо, имеет свой «вкус» – *расу*. Мне кажется, что ведущая раса этой книги – чувство внимания и дружелюбия ко всему. «Дружелюбный человек дружелюбен не только к людям, но и к вещам и обстоятельствам», – писал индийский музыкант Хазрат Инайят Хан.

Книга состоит из четырех частей, обрамленных как рамкой прологом и эпилогом. Все части и главы предваряются цитатами замечательных русских и западноевропейских поэтов и писателей. На всем протяжении повествования автор с равным вниманием обращается как к фольклорной, так и к элитарной культуре. Он легко, лаконично и ярко представляет читателю такие глобальные явления индийской религиозной и культовой жизни, философии и повседневности, как индуизм, буддизм, джайнизм, тантрические школы, сикхизм и другие социально-религиозные движения, философские школы – *даршаны*. Глава XVIII (с. 358 и далее) является как бы кратким «учебником индийского любознания»: здесь представлены биографии и описаны учения таких философов и религиозных деятелей как Шанкара, Рамануджа, Мадхва, Кабир, Нанак, Рам Мохан Рай, Радхасвами.

Однако важнейшее достоинство данной монографии заключается не в этой тотальности описания. Главные «героини» книги – две Индии (см. Пролог, с. 7–23). Одна из них – реальная, географическая, Индия купцов и завоевателей. Другая – Индия в маршрутах духовных паломников, Индия философов и поэтов. Места расхождений и совпадений этих «двух Индий» – вот что в большинстве случаев занимает автора, когда он обращается к широко известному или почти совсем неизвестному материалу. Одним из немногих предшественников такого культурно-антропологического взгляда на Индию можно назвать Г.Д. Гачева с его трудом «Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии)» (М., 1993). При всей несхожести этих двух книг кое-кто их все же объединяет. Подход обоих авторов можно назвать «преодолением Геродота». Известно, что Геродот предложил использовать исторический метод – способ отбора исторических фактов путем отделения фактов достоверных от вымышленных. Однако исследователь-историк, имеющий дело с духовной культурой, знает о чрезвычайной сложности такой операции. Картины, полученные из различных и равно достоверных источников, могут очень сильно различаться. От исследователя требуются немалое терпение, знания, умения и широта взгляда, чтобы сложить их воедино.

Китайцы говорят, что «всякая вещь на девять десятых частей принадлежит воображению ее хозяина, и только одна ее часть имеет материальное воплощение». Индия в этом смысле не является исключением. Но тогда возникает вопрос: кто же, собственно говоря, ее «хозяин», воображению которого она принадлежит? Ответу на этот вопрос и посвящена книга А.В. Пименова.

Если исходить из этого, то судьбы конкретных людей «завоевателей, миссионеров и философов», индийских мыслителей и европейских ученых, путешественников и правителей предстанут перед нами совершенно по-новому. Их жизнь, стремления, последствия деяний (желаемые и нежелательные) автор рассматривает как бы в нескольких зеркалах. В частности, настоящей находкой можно признать сопряжение судеб двух людей, сыгравших значительную роль в «открытии» Индии миру – принца из династии Великих Моголов, философа XVII в. Дара Шукоха и французского ученого-богослова XVIII в. Гиацинта Анкетиль-Дюперрона, познакомившего Европу с Упанишадами (с. 7–21).

Часть I – «Завоеватели, миссионеры, философы» – посвящена культурному диалогу Запада и Востока в широкой исторической перспективе. Особое внимание автора заслужили античный и европейские образы Востока, главным образом Китая и Индии. Важно и верно замечание автора о необходимости предварительной внутренней подготовки перед всякой встречей или открытием (с. 45). Действительно, рождение всякого текста возникает в пограничной ситуации, когда появляется зритель, слушатель или читатель – человек, «примеряющий» на себя чужие «одежды». В немалой степени «вторая Индия» возникла именно в

душах восторженных чужестранцев. Автор наглядно демонстрирует не праздность вопросов, что такое Индия и индуизм (с. 56–57, 60–69). Правда, описывая характерную способность Индии «растворять чужие влияния, превращать чужое в свое», А.В. Пименов называет это почему-то «удивительной невосприимчивостью к воздействиям извне» (с. 59). Мне представляется, что все как раз наоборот. Индийское мировоззрение (равно как и китайское в Восточной Азии, и якутское в Северной) можно назвать «пассивно-агрессивным»: оно обладает чудовищной восприимчивостью фактов, но актуализирует их в соответствии со своей структурой, культурным стержнем. Умение поглощать и переваривать все и вся – важнейший принцип аюрведы, индийского искусства сохранения естественной здоровой гармонии человека и окружающей среды.

Часть 2 – «У рубежей Арьяварты» – представляет собой краткую историю цивилизаций и панораму культур Индостана. Однако автор не ограничивается только описанием событий и перечислением исторических фактов в их последовательности. По сути дела перед нами предстает тонкий культурно-антропологический анализ этнических, социальных, психологических и мифоритуальных особенностей народов Индии. И все же некоторые его моменты вызывают возражение. Прежде всего утверждение автора, что «аборигены отличались от индоарийцев решительно во всех отношениях – от языка и верований до цвета кожи» и что «древнейшие жители полуострова были негроидами» (с. 87). Известно, что древнейшие (до IV тыс. до н. э.) обитатели Индостана, равно как и прилегающих земель Юго-Восточной Азии, были протоавстралоидами. Наиболее отчетливо их черты дошли до нас в облике народа ведда на Шри-Ланке. Первые негроиды появились в Южной Индии (на территории современных штатов Керала и Карнатак) только в XVI в., что было связано с ввозом сюда для работ на плантациях африканских рабов. Кроме того, не понятно, о каких собственно «аборигенах» идет речь? До прихода индоарийцев население Индостана не было однородным ни в антропологическом, ни в языковом, ни в культурном отношении. Кроме протоавстралоидов, говоривших на неизвестных нам языках, здесь обитали мундаязычные (возможно, протомонголоиды) и дравидязычные (европеоидные) народы. Противостояние индоарийцев местному населению, видимо, потому-то и не носило (или почти не носило) расового характера: ведь протоавстралоидная среда уже давно была разбавлена иными антропологическими типами. Индоевропейцы, появившиеся на Индостане, столкнулись прежде всего с дравидязычными народами. Согласно теории глубинной глоттохронологии, те и другие некогда (до XII–XI вв. до н. э.) входили в ностратическую языковую макросемью. Поэтому и в языке, и в облике, и в культурных моделях индоевропейцев и дравидов имеются сходные черты.

Чрезвычайно интересны размышления А.В. Пименова о мифорелигиозной географии Южной Азии, об этнических авто- и гетеростереотипах, о «подводных течениях» процесса санскритизации Индии, о том, как изменялся этнопсихологический климат континента в ходе истории.

Задаваясь целью разобраться в скрытых пружинах, управляющих жизнью индийского общества, автор обращается к ранним истокам мифологии, религии, ритуала, философии Индии. Немалое место он отводит представлениям о священных текстах. Эпигот книги, названный «Книга книг», тоже посвящен концепциям языка Вед, Корана и Библии. Обращение к лингвистической философии разных религиозных традиций позволило автору выйти на понимание историчности христианства и принципиальной «неисторичности» индийской традиции.

Особый акцент А.В. Пименов делает на образе человека в индийской духовной культуре. Сопоставляются и анализируются такие «измерения» человеческой природы, как *пуруша*, *манушья*, *нара*. Ориентация на религиозно-философские представления о человеке прослеживается и в главах VIII («Нашедшие брод»), IX («Тяготы срединного пути»), X («Религия непосвященных?»). В них повествуется о становлении индуизма, о сложных взаимоотношениях и переплетениях философских и религиозных направлений и школ, возникших с середины I тыс. до н.э. Автор не пренебрегает любопытными историческими и бытовыми нюансами, что делает повествование особенно увлекательным. Читатель, знакомый с реалиями индийской жизни и культуры, найдет похожие примеры из своего опыта. Например, важно заметить, что не только мусульмане празднуют в Индии индуистские праздники: праздники в этой стране независимо от их конфессиональной принадлежности тотальны и отмечаются всеми. Например, индусы почитают день поминовения Хусейна, христианские Рождество и Воскресение Господне. Однако входя в храм, индийцы-христиане, по индуистскому обычаю, снимают у входа обувь. Едва ли можно назвать исчерпывающим представление о Дивали как только о «Новом годе» индусов. К описанию джайнов (с. 152) хочется добавить, что они не едят не только мяса, но и не занимаются сельским хозяйством и не едят корне- и клубнеплодов, так как то и другое связано со вскрытием почвенного слоя и соответственно с гибелью населяющих его насекомых.

В части 3 – «Многообразие и единство» – перед читателем предстает описание самых разных сторон

индийской религиозной и культурной жизни и философской мысли. Собственно говоря, это панорама культурного контекста, в котором зарождался и формировался индуизм. Автор обрисовывает облики важнейших божеств и связанных с ними культов. Особенно поэтично представлена картина тантризма. На с. 261–264 содержится изящный анализ понятия «философия», в котором автор высказывает и свою точку зрения на предмет последней («философия – рассмотрение коренных вопросов бытия»). А.В. Пименов указывает на различия между философом, человеком религиозным и человеком искусства. Философ, полагает автор, пользуется доказательством как основным инструментом. Мне представляется, что доказательство можно скорее отнести к «арсеналу» ученого; философ же, в том числе и сам автор, скорее прибегает к помощи рассуждения.

Особо следует отметить вставную новеллу «Три цвета вечности», в которой автор обращается к этнопсихологическим особенностям восприятия цвета, к цветовой символике. Проникновение в глубины психологии романа Стендала «Красное и черное» совершается не без помощи индийской философии, в частности концепции цветов трех *гун* – «состояний», «качеств бытия». Правда, само понятие гуна автор толкует как «волокно» (с. 278); более точным представляется слово «нить». Безусловно, это небольшая новелла привлечет внимание самого широкого круга литературоведов.

Часть 4 – «Философия дхармы» – знакомит читателя с мимансой – философским направлением (даршаной), малоизвестной даже для тех, кто знаком с индийской культурой. В отечественной индологии мимансе повезло значительно меньше, чем другим философским школам. Нередко ей отказывали в «философичности», рассматривая как прикладную дисциплину, связанную с ритуалом, лингвистическими теориями и правом. А.В. Пименов описывает историю и сущность мимансы, ее место в ряду других философских школ. Особое внимание автора обращено к личности крупнейшего мимансака Шабарасвамина и к спору о природе человека между представителями мимансы и буддистами. Кроме того, автор выдвигает по крайней мере три нетривиальных подхода к мимансе. Во-первых, он убедительно доказывает ее философский характер, раскрывая рожденный в ее недрах инструментарий философского дискурса. Во-вторых, высказывает гипотезу о чрезвычайно высокой роли мимансы в распространении брахманизма в неиндоевропейской среде Индии и в формировании индуизма вообще. В-третьих, А.В. Пименов предлагает рассматривать мимансу как «срединный путь» в брахманизме.

Несмотря на большую замкнутость и изначальную самостоятельность брахманизма, в нем было некое особое зерно, из которого выросла идея интегрирования – ритуального, философского, артистического. В индийской медицине – это «собрание» организма, в ритуале – «строение» жертвы и жертвователя, в искусстве – объединение мастера и его аудитории, собрание и обобщение их опыта (*садхараникарана*).

Книга А.В. Пименова «Возвращение к дхарме» представляется в этом смысле очень «индийской»: она наглядно показывает пути и способы, трудности и необходимость собрания, связывания, сочетания самого разнородного материала и образование на его основе такого сложного единства, как индийская культура.

С.И. Рыжакова

© 1999 г., ЭО, № 5

С.Н. Жемухов. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997. 119 с.

Хан-Гирей – выдающийся деятель адыгской истории и культуры. Столь высокая оценка его жизни обусловлена той ролью, которую Хан-Гирей сыграл в сложнейших перипетиях истории Северо-Западного Кавказа первой половины XIX в., и тем местом, которое его историко-этнографическое сочинение «Записки о Черкесии» занимает в развитии исследовательской мысли того времени.

Впрочем, как писатель и исследователь быта родного народа Хан-Гирей стал известен сравнительно недавно, лишь после того, как в фондах РГВИА была обнаружена его рукопись, посвященная историческому прошлому черкесов и описанию их бытовых традиций. Публикация «Записок о Черкесии» ввела в широкий научный оборот ценнейший компендиум сведений и фактов по исторической этнографии адыгов, сделав очевидным, что это – одно из самых значительных произведений в кавказоведческой литературе XIX столетия.

«Записки...» стали не только важнейшим источником фактологического материала, но и объектом исследовательского анализа, в частности, в работах М.О. Косвена, В.К. Гарданова, Т.Х. Кумыкова,